

A dramatic painting of a soldier in a trench, looking down at a rifle, with a bright light source in the background.

НИКОЛАЙ ВАРДИН

ЗВЕРЬ

Николай Вардин

Зверь

«Автор»

2026

Вардин Н.

Зверь / Н. Вардин — «Автор», 2026

Зверь приходит к тем, кто зовёт. Является в облике тех, кого не отпустили, и даёт то, чего просят. Матери — сына, вдовцу — жену, старику — молодость. И только один человек в этой вымершей деревне не хочет её прихода. Потому что жить хочет. А тот, кто пришёл убить зверя, слишком поздно понимает: зверя здесь нет. Есть тоска, принявшая облик.

© Вардин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Николай Вардин

Зверь

Глава 1

Степь выгорела дотла.

Охотник понял это задолго до того, как увидел деревню, — за версту, по запаху. Пахло не просто сухой травой и не осенним палом, когда жгут стерню, готовя поле к зиме. Здесь пахло иначе: старым пеплом и полынью, которая всегда прорастает первой на пожарищах. Горько — так, что першит в горле и хочется пить. А под этим — ещё сырое: прелый лист, остывающая земля.

Лошадь шла тяжело. Не от усталости — от нежелания. Она прыдала ушами, косила влажным глазом на придорожные кусты, хотя там никого не было, и то и дело сбивалась с шага, будто норовя повернуть назад. Охотник похлопал её по взмокшей шее, чувствуя под ладонью крупную дрожь, идущую от самых копыт.

— Тихо, — сказал он негромко. Голос прозвучал сухо, под стать степи.

Животные чуют раньше. Он знал это по многолетней охоте: собака за версту берёт след медведя, лошадь шарахается от волка. Но сейчас он не чуял ничего, кроме этого проклятого запаха гари, и оттого сам начинал зябко поводить плечами — воздух стоял резкий, холодный, с сыростью, которая пробирала до костей.

Солнце сползло в степную мглу. Свет падал сбоку, длинными тенями, заливая мир тревожной медью. В этом свете всё казалось чужим: сухие пучки ковыля, похожие на обглоданные кости, одинокий камень у дороги, обточенный ветрами так, что походил на сидящего человека, — всякий раз Охотник ловил себя на том, что всматривается в каждую тень, ожидая движения.

Село показалось из-за холма внезапно, будто вынырнуло из серой мглы. Десятка полтора домов, сбившихся в кучу, — так овцы жмутся друг к другу, когда чуют хищника. Крыши из тёмного, старого камыша, плетни покосившиеся, огороды, заросшие лебедой так густо, что не видно грядок. Запах гари здесь стал сильнее, перебивая даже дурман полыни.

И тишина.

Не та тишина, когда люди заняты работой — в поле или по дворам, — и оттого не слышно голосов. Та тишина бывает звонкой, наполненной дальними звуками: мычанием коров, скрипом колодезного журавля, стуком топора. Здесь было пусто. Ни лая, ни крика, ни даже ветра — только промозглая стынь стояла над крышами, и где-то далеко, на другом конце деревни, скулила незакрытая ставня — однотонно, без конца.

Охотник въехал на главную улицу. Копыта лошади утопали в пыли по щиколотку — мягкой, серой. Пыль вздымалась беззвучно и оседала медленно, будто нехотя.

Из окон на него смотрели.

Он чувствовал эти взгляды. Тяжёлые, липкие, они царапали спину, он не оборачивался. Занавески дёргались, пропуская лицо на мгновение, — и снова замирали. Так смотрят на человека, идущего к плахе. Не с надеждой — с испуганным, болезненным любопытством.

У одного дома, чуть побогаче других — крытого не камышом, а тёсом, — стояла брошенная соха. Прямо посреди улицы, будто человек бросил её и ушёл, забыв. Лемех заржавел, оглобли потрескались, потемнели от сырости.

Охотник осадил лошадь. Посмотрел на дом.

На крыльце стоял Староста.

Он не вышел навстречу — он ждал, опираясь на палку, и лицо его, когда-то, видимо, властное и сытое, теперь обвисло складками серой кожи. Глаза бегали, не могли остановиться на одном месте: смотрели на лошадь, на ружьё, на руки Охотника, на пыль у крыльца, снова на ружьё. Пальцы, крепко сжимавшие набалдашник трости, побелели на костяшках. Из рта вырывался пар — короткий, частый.

Охотник спешил. Привязал лошадь к коновязи — старой, трухлявой, едва держащейся. Животное всхрапнуло, потянуло ноздрями воздух и попятилось, натягивая повод.

— Добрался всё-таки, — сказал Староста.

Голос у него звучал глухо и слегка дребезжал. Он не сошёл с крыльца — ждал, пока Охотник поднимется сам.

— А я уж думал, сгинешь в дороге. Места нынче недобрые.

Охотник поднялся на крыльцо, стряхивая дорожную пыль с плеч. Ближе к дому запах гари стал резче — и примешался к нему ещё один, кисловатый, застарелый. Пахло страхом.

— Деньги платят — я еду, — ответил он ровно. — Воды дашь? И коню, и мне.

Староста кивнул, но с места не сдвинулся. Он всё смотрел на ружьё.

— Оружие при тебе, — пробормотал он. — Это хорошо. Только... вряд ли свинец тут поможет.

Охотник промолчал. Он слышал это сотню раз. В каждой глухой деревне свой оборотень, своя нечисть, и всякий раз местные сначала клянутся, что пуля не возьмёт, а потом благодарят, когда приносишь шкуру.

— Писал ты, что скот пропадает, — сказал он. — Что зверь повадился.

Староста отвёл глаза. Посмотрел куда-то в сторону, на заходящее солнце, на степь за околицей. И Охотник вдруг понял, что тот не смотрит в степь — он всматривается в неё, ищет что-то. И боится найти.

— Заходи в дом, — сказал Староста и, развернувшись, толкнул дверь. — Нечего на пороге о беде говорить.

Дверь отворилась со скрипом, и Охотник, перешагнув порог, вошёл в темноту. Из открытой двери пахнуло теплом — печным, жилым, но слабым, будто топили давно и мало.

Глава 2

В горнице было темно и промозгло.

Охотник постоял на пороге, давая глазам привыкнуть. Свет сочился сквозь два маленьких окна, затянутых мутной слюдой, и ложился на пол бледными прямоугольниками, в которых плавала пыль. Пахло воском, скисшим молоком и старой, нестираной одеждой. Печь, судя по всему, топили давно и скупое; тепло в горнице стояло слабое, и от углов тянуло сыростью.

Тяжёлый дубовый стол, добротная работа, стоял посреди горницы, застеленный выцветшей скатертью с узором. На скатерти — пятна, старые, невыводимые. Видно, когда-то здесь кипела жизнь, собиралась семья, ели, пили, спорили. Теперь стол был пуст, только глиняная миска с краюхой хлеба, графин с мутной водой да гранёный стакан, поставленный донышком вверх.

— Садись, — кивнул Староста.

Охотник сел на лавку. Дерево под ним жалобно скрипнуло. Он прислонил ружьё к стене и опустил на пол дорожную сумку. И ждал.

Староста суетливо, звеня стеклом, налил воду в стакан. Рука дрогнула, и несколько капель упало на скатерть — тёмными пятнами расплзлись по узору. Он придвинул стакан к Охотнику, подвинул миску с хлебом и только потом сел сам — напротив, тяжело опустившись на лавку, сцепив пальцы в замок.

Охотник пил медленно. Вода была ледяной, отдавала железом и тем самым пеплом, что висел над всей деревней. Но горло пересохло в дороге, и он пил, чувствуя, как холод растекается по нутру.

Староста молчал.

Охотник тоже молчал. Он умел ждать. А Староста ждать не умел — сидел напротив, комкал край скатерти и всё поглядывал на ружьё.

Наконец не выдержав, Староста заговорил. Выдохнул, будто в воду нырнул:

— Не скот он режет. Вернее, и не режет вовсе. Души он выедаёт.

Охотник поставил стакан. Отер губы тыльной стороной ладони. Сказал прямо, глядя в глаза:

— Я не поп. И не знахарь. Если у вас тут мор или белая горячка от палёной водки — это не ко мне. Я бью зверя. Плоть и кровь.

Староста горько усмехнулся. Усмешка вышла кривой, невесёлой.

— Зверя... А кто знает, что он такое?

Он заёрзал на лавке, подался вперёд, и голос его зазвучал торопливо, сбивчиво, будто он боялся, что не успеет рассказать:

— Одни говорят — волк чёрный, ростом с теленка. Другие — медведь-шатун, обгорелый весь, шкура лоскутами висит, и из пасти дым идёт. А третьи...

Он замолчал, сглотнул. Кадык дёрнулся под обвисшей кожей.

— Что третьи? — поторопил Охотник.

— Третьи говорят, что зверь этот приходит в облике тех, кого уж нет. — Староста понизил голос до шёпота, хотя в горнице никого, кроме них, не было. — Тех, по ком сердце болит. Тех, кого не отпустили.

Охотник нахмурился. Он слышал такое не раз и не два. В глухих деревнях, оторванных от мира, любой волк-людоед к третьей жертве превращался в молве в оборотня, а к пятой — в самого дьявола. Страх любит дорисовывать клыки там, где их нет.

— У страха глаза велики, — сказал он.

— Был бы страх, — Староста покачал головой. — Страх — он понятный. Страх — это когда боишься, что волк в хлев залезет. А тут... тут не боятся, Охотник. Тут ждут.

Последние слова он выговорил с таким отчаянием, что Охотник невольно пригляделся к нему внимательней. И увидел то, чего не замечал раньше: под глазами Старосты залегли тени, глубокие, тёмные, будто их сажей навели. Щёки ввалились, губы потрескались. Человек не спал. Давно не спал.

— Следы есть? — спросил Охотник, возвращая разговор в привычное русло. Следы — это факты. По следам можно читать, как по книге: вес, рост, повадки, направление.

— Есть, — кивнул Староста.

Он полез за пазуху, долго шарил там дрожащими пальцами и наконец вытащил холщовый мешочек. Тяжёлый, судя по тому, как опустилась его рука. Положил на стол, развязал тесёмку — и высыпал на скатерть монеты.

Охотник смотрел, как они падают: серебро и золото, тускло блеснувшее в полумраке. Царские червонцы, серебряные рубли, даже несколько иностранных монет — видно, копили долго, собирали со всего села. Сумма была втрое больше той, о которой они договаривались через посыльного.

Охотник перевёл взгляд с монет на Старосту. Тот смотрел на деньги с таким выражением, будто это не плата, а откупная — за свою жизнь, за деревню, за что-то ещё, чего Охотник пока не понимал.

— За волка столько не дают, — сказал он.

— Не за волка плачу. — Староста подался вперёд, вцепился пальцами в край стола, и лицо его исказилось — не гримасой, нет, а настоящим, глубоким ужасом, который сидел внутри и глодал его день и ночь. — За избавление плачу. От видения. От Сожого.

— От чего? — Охотник не притронулся к деньгам.

— Сожого. Так зверя бабы прозвали. Потому что сжигает всё. — Староста заговорил быстрее, захлёбываясь словами: — Она ходит кругами, Охотник. Каждую ночь всё ближе. Манит. Светом, теплом. Кто за светом пошёл — того больше не видят. Сначала вдовец наш, Степан, в степь ушёл. Ночью. Жена у него год назад померла, он всё на кладбище ходил, разговаривал с ней. А в ту ночь соседка видела: идёт Степан по полю, а перед ним огонёк плывёт, большой, как звезда. Она окликнула — не обернулся. Так и ушёл. Не нашли. Потом пастух наш, Митрич, овец в степь погнал и не вернулся. Овец нашли — целёхоньких, только шерсть на них опалена. А его — нет.

А теперь... теперь огни. В степи, в деревне, даже у самих плетней. То тут, то там. Людям сны сниться стали. Это Сожого шлёт тем, кто тоскует, кто по ушедшему плачет. Тот сладко так спит, что утром не добудисься. А иногда и наяву приходит в желанном облике. Кто выйдет за околицу — того больше не видят. А кто останется — у того руки в волдырях, кожа слезает, а он всё равно ждёт. И не уходит.

Он перевёл дыхание, вытер со лба пот — крупный, выступивший даже в холоде горницы.

— Мать, что дитя схоронила прошлой осенью, клянётся, что слышит плач за окном. Выбегает — а там трава дымится. И следы. Маленькие, детские, босые. Только выжженные до черноты. Словно дитя по углям прошло.

Охотник молчал. Он был практиком. Он знал, как воет волк на луну, как хрустит ветка под лапой рыси, как пахнет медвежья берлога в феврале. Он знал, что голодный зверь может загрызть ребёнка, а бешеный — броситься на лошадь. Но горящие следы? Детские шаги из углей?

— Огни, говоришь? — переспросил он, чтобы потянуть время и собраться с мыслями.

— Да. Как угольки разбросанные. Бредут по степи, манят. А кто пойдёт за ними — не возвращается.

Староста замолчал, глядя на Охотника с такой надеждой, что тому стало не по себе. Так смотрят на последнюю надежду, когда все остальные уже сгорели.

Охотник протянул руку, сгрёб монеты широкой ладонью. Вес приятный, успокаивающий. Золото — вещь реальная, в отличие от горящих следов. Ссыпал в поясной кошель, затянул тесёмку.

— Ночевать где? — спросил он.

Староста выдохнул — шумно, облегчённо, будто гору с плеч свалил.

— У меня оставайся. А завтра... завтра сам всё увидишь.

Охотник кивнул. Поднялся из-за стола, взял шапку.

— Коню овса задай. И воды побольше.

Он вышел на крыльцо. Солнце уже село, и степь за околицей наливалась сумерками — густыми, тёмными, как старая кровь. Вдалеке, там, где небо ещё держало рыжину заката, что-то мерцало. Или показалось.

Охотник взгляделся. Нет, показалось.

Глава 3

Староста постелил ему в горнице, на широкой лавке у стены. Бросил поверх соломенного тюфяка овчину, дал тощее, но чистое одеяло. Извинялся, что нет лучше, но Охотник только рукой махнул. Он спал и не в таких местах: в лесных избушках, где мыши бегают по спине, в стогах под открытым небом, в заброшенных шалашах. Лавка у стены — почти роскошь. Только стена оказалась не тёплой — от брёвен тянуло сырым холодом, который пробирался даже сквозь овчину.

Огонь в плошке погасили рано. Староста ушёл в свою каморку за перегородкой, долго ворочался, вздыхал, но наконец затих. Дом погрузился в темноту и тишину — ту особую, ночную тишину, когда каждый звук слышен особенно отчётливо: вот скрипнула половица, вот мышь заскреблась где-то в подполе, вот ветер тронул ставню.

Охотник лежал на спине, глядя в потолок, которого не видел. Руки сложены на груди, дыхание ровное. Он не сразу провалился в сон — мешал холод, тяжёлый воздух горницы, и ещё этот запах. Тот самый, с которым он въехал в деревню. Гарь. Она просочилась сквозь стены, сквозь закрытые ставни, лежала в темноте невидимым слоем.

Потом всё-таки сон взял своё.

Ему снилась женщина.

Она сидела у окна. Свет — откуда он брался, Охотник не понимал — падал на неё сбоку, мягко, по-вечернему, очерчивая плечи, шею, гладкие волосы, убранные в простую косу. Комната была незнакомая, но почему-то казалась своей: белые стены, деревянный стол, на подоконнике — сухие цветы в глиняном горшке.

Она не оборачивалась.

Он смотрел на её спину, на то, как лежит на плечах простая холщовая рубаха, на руки, сложенные на коленях. И в груди разрасталось что-то тёплое, тягучее, давно забытое. Чувство, которого он не позволял себе столько лет, сколько себя помнил.

Он хотел позвать её. Хотел, чтобы она повернулась. Хотел увидеть лицо — и боялся, что оно окажется чужим.

Она медленно повернула голову.

И он увидел.

Лицо было простое, не красавица — обычное лицо женщины, каких много в сёлах. Но в нём было что-то такое, отчего у Охотника перехватило дыхание. Мягкость. Тепло. И взгляд — долгий, спокойный, будто она смотрела не на чужого человека, а на того, кого ждала очень долго.

Она улыбнулась.

И Охотник понял, что сейчас сделает шаг. Сейчас подойдёт. Сядет рядом. Возьмёт её руку в свою — и тогда наконец закончится эта бесконечная дорога, эта стынь, эти ночи у костра, когда жаждешь не столько вина, сколько простого человеческого тепла.

Она протянула к нему руку.

Пальцы её светились изнутри — тёплым, ровным светом, как угли в костре.

— Проснись, — сказала она.

Он проснулся.

На улице кто-то говорил.

Охотник сел на лавке, мгновенно стряхнув остатки сна. Сердце колотилось где-то в горле, руки сами нащупали ружьё, стоявшее у изголовья. Тьма стояла плотная — глаз выколи. Только в узкую щель между ставнями пробивался слабый свет, не поймёшь: то ли луна, то ли уже начинается утро.

Голоса звучали приглушённо, но отчётливо. Один — Старосты, низкий, грубоватый. Второй — незнакомый, ломкий, старческий.

Охотник оделся на ощупь. Сунул ноги в сапоги, накинул армяк, перекинул через плечо ружьё — на всякий случай. Тихо отворил дверь, вышел в сени. Здесь было ещё холоднее — тянуло сквозняком.

Голоса стали громче. Теперь он разбирал слова:

— ...ты пойми, дед, нельзя тебе ночами бродить. Сожрут, и костей не соберут. — Это Староста.

— А мне и не надо собирать. — Надрывный, старческий смех. — Меня соберут. Или не соберут. Какая разница?

— Иди в дом, Хрисанф. Бога ради, иди в дом. Завтра поговорим.

— Завтра, завтра... А сегодня ночь. Сегодня он придёт.

Охотник толкнул дверь и вышел на крыльцо.

Ночь была звёздная, безлунная. Звёзды висели низко, крупные, колючие, и свет их был холоден и бел. Трава у крыльца затвердела от мороза, и под сапогами она хрустела — тонко, стеклянно. У калитки, вросшей в землю, стояли двое: Староста в одном исподнем, накинущий на плечи тулуп, и маленький, сгорбленный старик. Старик был в длинной рубахе, поверх которой наспех наброшен старый армяк — незастёгнутый, сползший с одного плеча. На ногах — валенки.

Хрисанф повернулся на скрип двери и уставился на Охотника. Глаза у старика были светлые, выцветшие, почти белые — и в темноте казалось, что они светятся.

— А, — сказал он удовлетворённо. — Охотник пришёл. Ну здравствуй, охотник. За зверем пришёл?

Охотник спустился с крыльца. Подошёл ближе. Старик был мал ростом, тощ, и от него пахло землёй и сухой травой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.